

Полякова Лариса Валентиновна

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

В статье ставится вопрос о востребованности нравственного идеала в системе современного философского знания и философского процесса. Реконструируется онтологическая природа идеала. Нравственный идеал рассматривается в проблемном регистре как антиномичная категория. Утрата антиномического напряжения при восприятии нравственного идеала приводит к его искажениям в виде морализма или эстетизма. Сохранение антиномической напряженности идеала раскрывает его антиутопический потенциал, необходимый для полноценного конструирования социальной реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 161-165. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Обзор современного состояния исследований общественного мнения / аудитории не входит в задачи данной работы, но необходимо отметить, что представление об устойчивой корреляции «общественность-аудитория», теоретически сформулированное У. Липпманом (а еще раньше – английскими философами Нового времени), эмпирически подтвержденное классическими эмпирическими измерениями Гэллага в США и Грушина в СССР, получило своё развитие.

В тех случаях, когда стояла задача получить ответ на вопрос, каково мнение общественности по тому или иному поводу, чаще всего исследования были связаны с изучением (преимущественно опросного характера) аудитории того или иного средства массовой информации. Таким образом, когда мы говорим «общественность», мы подразумеваем «аудиторию». В настоящее время аудитории гораздо более перформативны, чем в прошлом веке, это обуславливает новые методологические и методические проблемы в их исследовании. Но, не занимаясь ими, невозможно продвинуться в изучении общественности.

Список литературы

1. Аникеев В. И. Общественное мнение как историческое понятие. М., 1982.
2. Глазычев В. Л. Городишко. Российская городская жизнь на клеточном уровне [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychyev.ru/habitations&cities/1994_gorodishko.htm (дата обращения: 10.08.2011).
3. Грицанов А. А. Социология: энциклопедия / А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко. М.: Книжный дом, 2003. 1312 с.
4. Коханов Е. Ф. Теоретические и методологические основы PR-деятельности. М.: РИП-холдинг, 2004.
5. Опросы общественного мнения. Американский опыт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1561> (дата обращения: 18.02.2010).
6. Рябцева М. К. Опросы общественного мнения как источник по исследованию массового сознания США [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/rjabceva_opros/00.aspx (дата обращения: 18.02.2010).
7. Сухотерин Л. Информационная работа в государственном аппарате / Л. Сухотерин, И. Юдинцев. М.: Европа, 2007. 480 с.
8. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.
9. Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. СПб.: Питер, 2003. 352 с.
10. Шерель А. А. Радиожурналистика. М.: Изд-во МГУ, 2000. 480 с.
11. Ядов В. А. Социология в России. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.

AUDIENCE, PUBLIC: RESEARCH TRADITIONS

Larisa Aleksandrovna Mironenko, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy, Sociology and Public Relations
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
l.mironenko@list.ru

The author reveals the close link and complementarity of such categories as “public” and “audience”, provides the information about general trends in public opinion research, mainly empirical ones, which are connected with the research of certain audiences and/or initiated by media information.

Key words and phrases: public; public opinion; audience; sociology of mass communications.

УДК 17

В статье ставится вопрос о востребованности нравственного идеала в системе современного философского знания и философского процесса. Реконструируется онтологическая природа идеала. Нравственный идеал рассматривается в проблемном регистре как антиномичная категория. Утрата антиномического напряжения при восприятии нравственного идеала приводит к его искажениям в виде морализма или эстетизма. Сохранение антиномической напряженности идеала раскрывает его антиутопический потенциал, необходимый для полноценного конструирования социальной реальности.

Ключевые слова и фразы: нравственный идеал; этика; нравственная философия; эстетизм; морализм; антиномии нравственного идеала; философская этика.

Лариса Валентиновна Полякова

Кафедра истории, политологии и культурологии
Воронежская государственная лесотехническая академия
polyakova_larisa_2010@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ[©]

В современной философии и культуре чувствуется тоска по идеалу. Как бы романтично и высокопарно это не звучало, но духовно-интеллектуальное состояние современного человека таково, что он уже устал от релятивизма, иронии, деидеологизации, деконструктивизма и прочих клише «постмодернистской культуры»,

которая в реальности ничего, кроме хаоса и безответственной игры в «остатки смыслов», произвести не может. Современный автор очень хорошо выразил общее умонастроение в следующих словах: «Сейчас такое время, что размывание, расшатывание старых идеалов философствования достигло некоторого предела, кульминации. Сегодня наблюдается некая философская полифония, концептуальный хаос. Каждый норовит критиковать старые идеалы, у каждого свое видение мира, во многом не совпадающее с видением коллег. ...Сейчас мировая философия стоит на пороге формирования нового идеала, новой философской структуры. Начинается процесс иерархизации. Будут трещать кости, падать крепости, рушиться идеалы. Какие социальные силы станут носителями новой волны, творцами единого идеала? Или его не будет? Какие принципы мирозерцания, «мирозвучания» и «мирослышания» будут положены в основу нового идеала?» [1, с. 90-91].

Это уже не «глас вопиющего в пустыне», а некий этический императив времени, который настоятельно требует поворота к фундаментальным смыслам и ценностям философии и культуры. В этом контексте возникает вопрос о востребованности, прежде всего, нравственного идеала в системе современного философского знания и современного философского процесса. Думается, что эта востребованность достаточно высока и актуальна; и дело даже не в том, что современный кризис, о котором не перестают говорить, требует каких-то нравственных мер и решений, а в том, что обращение к нравственному идеалу есть обращение к самой философии, к ее первоисточкам. Для этого необходимо рассмотреть онтологическую природу нравственного идеала.

Обращение к философии И. Канта, в частности к рассмотрению кантовской сущности идеала, позволяет увидеть, с одной стороны, онтологическую связь «идеи» и «идеала», а с другой, понять взаимосвязь идеала с нравственной способностью человека, хотя это происходит в эстетическом пространстве, в котором формируется идеал красоты. Но способность суждения, выражаемая эстетически, есть необходимость для проявления практического, то есть нравственного, размышления и поступка. В этом контексте вполне правомерно говорить о первичности нравственной субстанции в структуре идеала. И поэтому, когда мы говорим «идеал», то имеется в виду, прежде всего, нравственный идеал, который задает человеческую меру способности суждений и восприятий, на основании которого строятся все иные представления об идеалах и сами идеалы.

И. Кант связывает идеалы с целеполагающей способностью, которой обладает только разумный человек. В «Критике чистого разума» свое понимание идеала Кант дает через то, что мы называем идеалом у Платона, а именно: «...*идея божественного рассудка*, единичный предмет в его чистом созерцании, самый совершенный из всех видов возможных сущностей и первооснова всех копий и явлений». В том смысле, говорит Кант, нельзя допустить объективной реальности существования этих идеалов, но нельзя их считать химерами, поскольку «...они дают **необходимое мерило разуму** (*выделено нами – Л. П.*), который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного» [4, с. 502].

Предмет «идеала разума» Кант наделяет высшими атрибутами, называя его *первосущностью* (*ens originarium*), *высшей сущностью* (*ens summum*) и *сущностью всех сущностей* (*ens entium*) и определяя его следующим образом: «высшая сущность остается для чистого спекулятивного применения разума только идеалом, однако *безукоризненным идеалом*, понятием, которое завершает и увенчивает все человеческое знание и объективную реальность которого этим путем, правда, нельзя доказать, но нельзя также опровергнуть» [Там же, с. 551].

Таким образом, идеал – это венец всего человеческого знания, а значит, нечто верховное и бытийно укорененное. Наличие идеала Кант связывает с человеком двояким образом: с одной стороны – через способность человека определять самому себе свои цели, а с другой стороны – через единственную возможность для человека быть идеалом красоты, поскольку только через человека, как мыслящее существо, само человечество может быть идеалом совершенства.

Здесь происходит онтологический этико-эстетический синтез, в результате которого разъясняется идея, почему «идеал состоит в выражении нравственного», то есть в возможности «видимого выражения нравственных идей». Суждения, исходящие из идеала красоты, не могут быть просто суждениями вкуса, они служат для того, «чтобы связь со всем тем, что наш разум сочетает с нравственно добрым в идее высшей целесообразности, – душевную доброту, или чистоту, или твердость, или спокойствие, – сделать как бы видимой в телесном выражении (как действие внутреннего); необходимо соединение чистых идей разума с великой силой воображения у того, кто хочет лишь судить о них, и тем более у того, кто хочет их изображать» [3, с. 240].

Кроме трансцендентальной способности суждения, служащей возможностью для выражения нравственных идей в идеале, Кант говорит и о *прямой нравственной функции идеалов*: «...человеческий разум содержит в себе не только идеи, но и идеалы, которые, правда, не имеют в отличие от *платоновских* творческой силы, но все же обладают *практической силой* (как регулятивные принципы) и лежат в основе возможности совершенства определенных *поступков*» [4, с. 502].

Таким образом, онтологическая сущность идеала по Канту в том, что, во-первых, идеал является высшим проявлением человеческих устремлений, «высшей сущностью», имеющей бытийную основу; во-вторых, связанный с эстетической способностью суждения, идеал состоит в выражении нравственного, то есть в возможности выражать «идею совершенного человечества»; и, в-третьих, идеал имеет отношение лишь к человеку, как единственному целеполагающему существу, который, в силу своей разумности, устанавливает нравственные цели как идеальные. Это позволяет говорить о нравственном идеале в категориях абсолютности и универсальности.

Именно в терминах абсолютности и универсальности рассуждал о природе идеала вообще и нравственного идеала в частности В. С. Соловьев в своем фундаментальном труде «Оправдание добра». Он пишет о «безусловном идеале» или «окончательной цели», о «постоянной и всеобщей норме», «истинно сущем», чем и является идеал. Важно то, что Соловьев утверждает *имманентный человеческой природе характер идеала*,

который проявляется в нравственности как в практическом стремлении его осуществления. Он пишет о «присущем нам *сознанию* абсолютного идеала» и «стремлении вполне осуществить его» [7, с. 260].

Наиболее значимым в понимании онтологической сущности идеала является у Соловьева раскрытие «идеи всеединства», которая создает для человека нравственные условия жизни, проявляющиеся в стремлении к абсолютному идеалу. Философ отталкивается от наличного, несовершенного состояния человеческой природы и описывает механизм идеального восхождения к нравственному совершенству посредством действия идеи всеединства. Он пишет, что «...будучи лишь соединением всевозможных несовершенств, мы сознаем абсолютное как то, что истинно есть, и в этом сознании идеально соединяемся с Ним, воображаем его в себе; эта идея всеединства, как образующее начало нашей жизни, есть, по библейскому слову, «образ Божий» в нас...». Иными словами, осознанное несовершенство порождает в человеке нравственный порыв к совершенству, который задается абсолютным идеалом: «...так как фактическое наше бытие противоположно тому, то мы и стремимся преобразовать его, усовершенствовать, уподобить (ассимилировать) свою дурную действительность абсолютному идеалу» [Там же, с. 252]. И это составляет истинную цель человеческой жизни, которая, как и у Канта, реализуется в осуществлении стремления к высшему идеалу, к совершенству. В этом – в идее целеполагающей сущности человека – позиции Канта и Соловьева совпадают, несмотря на то, что последний критиковал немецкого философа за то, что тот считал невозможным практическое воплощение идеала в действительность.

Универсальность нравственного идеала применительно ко всему человеческому роду достаточно полно выражена в императивном требовании Соловьева к общественному устройству, которое, чтобы быть хорошим и достойным, должно все больше и больше подчиняться «единому и безусловному нравственному идеалу *свободного единения всех в совершенном добре*» [Там же, с. 356].

К этим размышлениям об абсолютном характере нравственного идеала можно добавить идеи Дж. Мура – философа, принадлежавшего к совершенно иным традициям, нежели И. Кант и В. С. Соловьев. Тем самым может быть воссоздан достаточно полный и объективный контекст, в котором абсолютность нравственного идеала верифицирована его инвариантностью в различных философских традициях.

В своей работе «Принципы этики» Мур с присущим аналитической философии стремлением прояснять смысл философских предложений расширяет вопрос «Что является идеалом?» следующими уточнениями, раскрывающими и дополняющими смысл основного вопроса: «Какие предметы и в какой степени имеют внутреннюю ценность?», «Что является абсолютным добром или благом человека?», «Что является добром само по себе или целью как таковой?». Последний аспект, согласно Муру, является главным вопросом этики.

Мур отвечает на него, раскрывая позитивное содержание «внутренней ценности» того, что называется идеалом или абсолютным добром. Причем, и это весьма существенно, Мур указывает на то, что до сих пор он давал лишь негативный ответ на этот вопрос, то есть ответ в форме того, что не является добром. Критикуя «натуралистическую ошибку» как наиболее распространенное неверное отождествление добра с удовольствием, Мур как бы доказал вообще невозможность указания на какие-либо позитивно-содержательные свойства и характеристики добра как такового. Теперь же, трансформируя вопрос о добре в вопрос об идеале, Мур указывает на предметы, обладающие внутренней наибольшей ценностью. Так, он пишет: «Наибольшими ценностями, какие мы знаем или можем себе представить, являются определенные состояния сознания, которые в общих чертах можно определить как удовольствие общения с людьми и наслаждение прекрасным».

Мур придает этому утверждению абсолютный характер, говоря, что «данная истина – конечная и основная истина моральной философии». Поясняет это он следующим образом: «То, что только ради этих ценностей – для того, чтобы их существовало столько, сколько возможно в какое-то время, – человек может исполнять все личные и общественные обязанности, что они составляют «смысл существования» добродетели, что именно они – сами эти сложные целостности *как таковые*, а не какие-либо их составные элементы или характерные моменты – составляют конечную разумную цель человеческих поступков и единственный критерий общественного прогресса, все это – истины, которые, вероятно, до сих пор недооценивались» [5, с. 193].

Итак, немецкая идеалистическая философия в лице Канта, русская религиозная в лице Соловьева и английская аналитическая в лице Мура говорят в принципе об одном и том же – об *универсальном характере нравственного идеала*, имеющего абсолютное значение для человека, для его целеполагающей деятельности и смыслосложившей сущности.

При этом важно следующее. Универсальный и абсолютный характер нравственного идеала – это, так сказать, «идеальное» измерение идеала, идеал в своей «идеальной» сущности, проявляющийся в его абсолютном значении для *целеполагающей сущности человека*, имеющей интегральное социальное значение, о котором Э. В. Ильенков сказал следующее: «В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях общественной жизни – социальной, политической, нравственной, эстетической и т.д.» [2, с. 204].

В своем реальном бытии идеал всегда теряет нечто от своей «идеальности», прежде всего потому, что он не может быть полностью воплощен в действительности. Но это не онтологическая ущербность идеала, на основании чего следует вообще отказаться от идеалов как структурообразующих принципов человеческой деятельности, а его антиномичный характер, который входит в его бытийную природу.

Антиномичная природа идеала проявляется в следующих его бинарных оппозициях: универсальность-локальность, абсолютность-относительность, всеобщность-частичность, желаемое-действительное, сущее-должное, необходимое-случайное, трансцендентное-имманентное, существенное-несущественное, реальность-нереальность, сверхъестественность-естественность, совершенство-несовершенство и т.д. Диапазон различных противопоставлений может быть бесконечным, главное выделить основную, так сказать, коренную антиномию

идеала как такового. По нашему мнению, она заключается в постулировании абсолютной значимости и привлекательности идеального объекта и такой же абсолютной невозможности его полного воплощения в реальность.

Данная антиномия коренится в противоречивой сущности самой морали, которая и идеальна, и реальна одновременно. Про мораль можно сказать, что *она идеальна в той мере, в которой реальна, и реальна, в какой идеальна*. Идеальная реальность и реальная идеальность – такова противоречивая сущность морали и нравственности, выявлению которой уделил много внимания современный философ В. П. Фетисов. В сборнике трудов по нравственной философии «Солнце не заходит», посвященном многим проблемам *соотношения нравственного идеала и практической действительности*, в том числе, взаимоотношениям политики и нравственности, экономики и морали, нравственным противоречиям религии, этическому осмыслению таких аспектов повседневной жизни как питание, развлечения, досуг и проч., автор дает такую умудренную нравственную формулировку: «Кто хочет добиться божественного в морали, тому нельзя сводить ее к претендующим на святость эмпирически выгодным правилам поведения. Нужно понять уходящую корнями в небо возвышенную природу нравственного идеала и, сознавая его недостижимость, жить бесконечным приближением к нему, т.е. жить нравственно. Любое, даже незначительное прислушивание к основному моральному требованию придаст подлинную святость нашему поведению» [8, с. 271].

Таков закон нравственной жизни вообще – *жить бесконечным приближением к нравственному идеалу, понимая его абсолютную недостижимость*. Это и есть главная антиномия нравственного идеала, который на языке В. П. Фетисова формулируется как раздвоенность человеческого естества между стремлением к Небу и стоянием на Земле. Эта раздвоенность приобретает трагический характер, потому что реально разрывает человека между полярными ценностями («Зов Неба» и «притяжение Земли»), которые равно значимы для человеческой жизни. «Данное противоречие, – говорится в работе, которая так и называется «Земля и Небо», – раскрывает специфику человеческого бытия. Зов Неба и притяжение Земли – вот две силы, от взаимодействия которых зависит характер всех наших мыслей, чувств и поступков. Человек ногами прикован к Земле, а руки простирает к Небу. Ему и Земли не хватает, и до Неба далеко» [Там же, с. 334]. Если пренебречь этим, тогда или бесплодный нравственный романтизм, или бездуховный прагматизм и утилитаризм.

Понимая эту особенность, можно избежать, по крайней мере, двух главных крайностей по отношению к идеалу, которые существенным образом влияют на качество социальной реальности. Это, во-первых, *нигилистическая* тенденция отрицания идеала как такового на основании невозможности его полного воплощения. На это можно возразить, что, если невозможно полное воплощение, это не значит, что не нужно частичное, что частичное не может иметь позитивного значения для человеческой практики. Во-вторых, *утопическая* тенденция абсолютизации идеала, приводящая, соответственно, к деформации социальной реальности также на основании невозможности полного воплощения идеала в действительность. Это в итоге приводит к нигилистической реакции на идеал вообще.

Очень часто нигилизм и утопизм действуют одновременно, порождая такие деформации нравственного сознания как *морализм* и *эстетизм*. Эти феномены являются показателями того, что происходит нарушение синтетической сущности нравственного идеала, заключающееся в гипертрофии какого-либо одного его начала: этического в морализме и эстетического в эстетизме. Обстоятельно и всесторонне эти деформации нравственного сознания проанализированы в исследовании С. А. Симоновой, посвященном проблемам этико-эстетического синтеза. Автор приходит к такому значимому выводу: «Абсолютизация истины (гносеологизм) создает предпосылки для господства сциентизма, абсолютизация добра (морализм) отражается на формировании антигуманных политических идеологий, абсолютизация красоты (эстетизм) провоцирует декадентские тенденции и приводит к засилью примитивных форм массовой культуры. Все это мы видели, увыв, в нашей недавней истории в том числе» [6, с. 215].

В этом непреходящая ценность нравственного идеала, который в системе и современного, и вообще философского знания как такового, раскрывает свою онтологическую и антиномическую, а, следовательно, истинно гуманную сущность, которой всегда не хватает человеку. Антиномическая природа нравственного идеала непосредственно связана с противоречивым характером самой морали, которая и может существовать только лишь в форме противоречий, ставящих перед человеком задачу морального выбора. Решая ее, он реализует свою человечность. В этом заключен реализм и правдивость приведенных выше слов современного философа, который призывает, осознавая недостижимость нравственного идеала, «жить бесконечным приближением к нему, то есть жить нравственно».

Список литературы

1. **Зобова М. Р.** Звучит ли сегодня философия? // Звучащая философия: сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. 233 с.
2. **Ильенков Э. В.** Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
3. **Кант И.** Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. 556 с.
4. **Кант И.** Критика чистого разума // Там же. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
5. **Мур Дж. Э.** Природа моральной философии / пер. с англ. Л. В. Коноваловой. М.: Республика, 1999. 351 с.
6. **Симонова С. А.** Архитектоника культуры: проблемы этико-эстетического синтеза. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2008. 224 с.
7. **Соловьев В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1998. Т. 1. 892 с.
8. **Фетисов В. П.** Солнце не заходит: труды по нравственной философии. Воронеж: ВГЛТА, 2011. 518 с.

MORAL IDEAL IN PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE SYSTEM

Larisa Valentinovna Polyakova

Department of History, Political Science and Culturology
Voronezh State Forestry Engineering Academy
polyakova_larisa_2010@mail.ru

The author discusses the question of moral ideal relevance in the system of modern philosophical knowledge and philosophical process, reconstructs the ontological nature of the ideal and considers moral ideal in problematic register as an antinomic category. The loss of antinomic tension during moral ideal perception leads to its distortion in the form of moralism or aestheticism. The preservation of the antinomic tension of the ideal reveals its dystopian potential necessary for the complete construction of social reality.

Key words and phrases: moral ideal; ethics; moral philosophy; aestheticism; moralism; antinomies of moral ideal; philosophical ethics.

УДК 39(=511.152)

Под влиянием особенностей природной среды, контактов с другими народами Республики Мордовия у мордовского этноса сложился своеобразный склад мировоззрения и характера, религиозных верований, определенных стереотипов мышления, норм поведения, привычек и навыков. Среди природных факторов, повлиявших на этнопсихологические особенности мордвы, следует отметить стремление селиться в лесной местности, около рек и озер с наличием плодородных земельных угодий и пастбищ, где можно найти материал для строительства, заниматься охотой, рыболовством, собирательством, а также земледелием и скотоводством.

Ключевые слова и фразы: Республика Мордовия; мордва; природно-географическая среда; этническая территория; хозяйственно-культурный тип; традиционная культура; этнопсихология.

Татьяна Васильевна Попова

Отдел археологии и этнографии

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
popova-80@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
НА РАЗВИТИЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОРДВЫ[©]

Изучение этнопсихологии любого этноса нельзя рассматривать в отрыве от конкретной среды обитания, природно-климатических условий, материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности и других факторов жизнедеятельности. Все, что нас окружает, вся внешняя среда, в которой мы живем, делится на естественную (природную), возникшую задолго до появления людей на земле, и искусственную (культурную), которая образовалась вместе с ними в результате их деятельности [17, с. 10]. Традиционная культура народа является основным механизмом, посредством которого человеческие коллективы адаптируются к окружающей среде. В ней содержатся такие модели поведения, следование которым дает возможность добывать себе пропитание, строить жилища, изготавливать одежду наиболее рациональным для имеющихся географических и климатических условий образом. Специфика национально-психологического отражения закреплялась исторически. Появление человека, выделение его из мира животных, весь последующий ход развития был процессом социализации, развития у него качеств, необходимых для жизни в обществе [13, с. 61].

В повседневной деятельности и труде этносы приспосабливались к обычной для них природной среде, вырабатывая при этом определенные стереотипы поведения, привычки и навыки. В. И. Козлов отмечал: «Этническая территория мордвы располагалась в лесной зоне. Громадные массивы хвойных, смешанных и лиственных в южных районах лесов тянулись в то время с небольшими разрывами по всему пространству между Окой и Волгой...» [11, с. 8]. Формирование мордовских племен в условиях лесной зоны не могло не наложить отпечаток на их культуру и быт. О стремлении мордвы селиться в лесной местности, около рек и озер писали многие исследователи дореволюционного быта мордвы. «Исстари мордовский народ любил селиться и жить среди дремучих лесов», отмечал С. Архангельский [1, с. 84]. В. А. Ауновский писал: «Отличительные черты характера мордвы объяснить не трудно. Натолкнувшись на местность плодородную, довольно щедро наделенную дарами природы, защищенную густым лесом, богатую водой, мордва, естественно, должна была остановиться на ней...» [2, с. 5]. В. Н. Майнов, исследуя быт мордвы-мокши Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Республики Мордовия) писал: «русские соседские крестьяне заметили, что самые лучшие для заселения места почти всегда были заняты мордвой: “Назем да лесок – мордве уголок, – говорили они по этому поводу”» [15, с. 129]. Проживание в лесной местности отложило неизгладимый отпечаток на мировоззрение, манеру общения внутри этноса, образ жизни, хозяйственный уклад, что и